

П. Р. Джозефсон

**СТРОИТЕЛЬСТВО ИМПЕРИИ И ФРОНТИР
СОВЕТСКОЙ / ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭПОХИ***

doi: 10.30759/1728-9718-2021-4(73)-88-96

УДК 94(57)“19”

ББК 63.3(2)

Статья посвящена обзору стратегий освоения и ассимиляции фронта, применявшихся в Советском Союзе и постсоветской России к районам Севера, Сибири и Дальнего Востока. Фронтирные пространства были источником беспокойства для советских руководителей, поскольку они сочетали уязвимость перед нападением извне со слабой поддержкой советской власти. Таким образом, в качестве фронта рассматривались и сельские территории внутренних районов государства. Покорение фронта и его интеграция в социалистическую индустриальную экономику осуществлялись сталинским руководством путем насильственной коллективизации, на периферии сопровождавшейся колонизацией за счет притока ссыльных поселенцев и заключенных лагерей из коллективизируемых западных сельских областей. С точки зрения советского руководства, фронтирные территории были ресурсными кладовыми и одновременно пустыми пространствами, требовавшими заселения. Для того чтобы стимулировать переселение, советское правительство создавало «коридоры модернизации» — сеть инфраструктуры, облегчавшую создание моногородов, выступавших форпостами покорения периферии. Такая политика одновременно интегрировала коренные народы периферии в единую социалистическую экономику и разрушала их естественный образ жизни. Несмотря на усилия, предпринятые советскими вождями от Сталина до Брежнева, в полной мере ассимилировать фронт и устранить дисбаланс в размещении производительных сил СССР не удалось. В XXI столетии российское руководство продолжает рассматривать Арктику, Сибирь и Дальний Восток по советским лекалам — как фронтирные пространства экономического и символического освоения и военно-политического соперничества. Вместе с тем, в отличие от советского времени, понятие фронта начало активно употребляться в российской исторической и историко-политической мысли.

Ключевые слова: *фронт, модернизация, Сибирь, Арктика, Дальний Восток, крупные проекты, индустриализация*

С момента основания Советского Союза руководители коммунистической партии, экономические планировщики, ученые и инженеры разрабатывали разнообразные проекты, нацеленные на покорение природы, преодоление центробежных тенденций и инкорпорацию периферии обширной, многонациональной империи в единое, мощное государство. Такая держава должна была быть способна выдерживать давление «враждебного капиталистического окружения» при условии, что ее огромные просторы, казавшиеся руководству СССР едва ли не пустынными, будут населены единомышленниками-рабочими, лояльными партии.

Руководители страны считали дальний фронт — Арктику, Сибирь и Дальний Восток — уязвимыми для внешнего нападения и внутренней «контрреволюции», подпитываемой отсталостью окраин. Большевики уже сталкивались с

интервенцией в конце Первой мировой войны и осознали отсталость советской индустрии по сравнению с европейской. Крупные проекты царской эпохи: плотины и каналы, оросительные системы, железные дороги — оказались недостаточными для освоения фронтирной зоны.¹ С помощью развития хозяйственного потенциала периферии советские вожди рассчитывали побороть эту слабость. Они полагали, что, взяв на вооружение науку и технику, удастся превратить пространство, которое ранее было «бесполезным»: пустыни Центральной Азии, сибирскую тайгу, арктическую тундру — в районы производительного сельского хозяйства и промышленности, укрепляющие мощь государства.

По своему исходному замыслу СССР был многонациональным содружеством равных народов, «больших» и «малых».² Лишь 40 % на-

Джозефсон Пол Роберт — PhD, профессор, Колби Колледж (США, Уотервилл, Мен); профессор, Томский государственный университет (г. Томск)
E-mail: paul.josephson@colby.edu

* Перевод с английского — д.и.н. К. Д. Бугров

¹ См.: Леваковский И. Ф. Воды России по отношению к ее населению. Харьков, 1890; Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей. СПб., 1913. Т. 19; Pierce R. Russian Central Asia, 1867–1917: A Study in Colonial Rule. Berkeley, 1960. P. 175–177.

² См.: Slezkine Y. Arctic Mirrors. Ithaca, 1996.

селения Российской империи были русскими. Другие национальности, включая украинцев и белорусов, грузин и армян, казахов, киргизов, башкир, татар и коренные народы Севера и Сибири, не могли добиться автономии, хотя этот вопрос и поднимался время от времени. Революция усилила стремления к национальной независимости, и посреди хаоса и разрушения 1917–1918 гг. ряд упомянутых народов начал борьбу за это. Каков был ответ большевиков? В. И. Ленин рассматривал националистические движения как опору революции. Конечно, он считал национализм реакционной, капиталистической силой. Однако он рассчитывал на то, что русификация нерусских народов империи сможет осуществиться без насильственного давления, мирным путем. Ленин выдвинул лозунг самоопределения, и в 1920-х гг. национальные меньшинства во многих отношениях получили обширные права, автономию и свободу в развитии своих культуры и языка. Впрочем, большевики поддерживали централизованный контроль над территорией своей империи, используя насилие для подавления националистически настроенных групп.³

В XIX в. историк С. М. Соловьев писал о том, что русские осваивали пустынные пространства из-за давления объективных факторов — присутствия враждебных государств на юге, востоке и западе, а также суровых природных условий. Столкновения между восточнославянскими племенами относительно легко разрешались благодаря изобилию пространства, позволявшему вместо споров просто перебраться на новое место. Постоянные перемещения и переселения были частью русской культуры, а обширные пространства — принципиально важными для нее. Как отмечает М. Бассин, Соловьев полагал, что «всегда имевшаяся возможность для переселения, которую предоставлял фронт, была чрезвычайно важна для образования сильной, централизованной самодержавной политической структуры, поскольку позволяла выкачивать именно те активные элементы населения, которые — оставаясь они на месте — представляли бы определенный вызов для властей».⁴ Постоянные миграции вносили свой вклад в относительную отсталость России, хотя она

оставалась частью европейских наций. В определенном смысле взгляды Соловьева вызывают ассоциации с советским беспокойством относительно пустых пространств как уязвимых зон. Социалистические кампании по освоению фронта были организованы как кампании «героического покорения», хотя советские теоретики не обращались напрямую ни к тем вопросам, которые занимали Соловьева, ни к идеям американского историка Ф. Тернера о центральной роли фронта в сотворении американской державы — не обращались главным образом по той причине, что марксистский подход к истории отвергал понятие фронта. Впрочем, когда в сталинскую эпоху имперские достижения царской России вновь начали возвеличивать, оценка империи как полезной для местных народов стала возможной. Советские ученые, писавшие о царской империи как о колониальной державе — такие, как П. Г. Галузо, — теперь делали это на свой страх и риск.⁵

Важный аспект советского мышления о фронте касался отношений между городом и деревней, потребности в установлении связи между рабочими и городами, с одной стороны, и крестьянами и деревнями — с другой (смычка на языке того времени). Ленин полагал, что только после смены поколений крестьянство сможет интегрироваться в социализм. Он полагал, что, если бы большевики могли опереться на достижения науки и техники, дать деревне «100 тысяч первоклассных тракторов», это бы значительно ускорило подобную интеграцию.⁶ Важность смычки подчеркивал и Л. Д. Троцкий.⁷ Впрочем, к началу 1930-х гг. СССР не был способен производить тракторы в масштабе, хотя бы близком к ленинской цифре. На всю страну имелось около 80 000 тракторов — массивных, неповоротливых, трудных в управлении, подверженных поломкам и зачастую ржавеющих в полях.⁸ Между тем в капиталистических США работало порядка 1 млн тракторов, и Сталин, недовольный медленным темпом производства, выбрал вместо постепенного развития насильственную коллективизацию.

Важным различием между концепциями фронта в СССР и, например, в США или

³ См.: Pipes R. *The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923*. Cambridge, 1954.

⁴ Bassin M. Turner, Solov'ev, and the "Frontier Hypothesis": The Nationalist Signification of Open Spaces // *Journal of Modern History*. 1993. Vol. 65, no. 3. P. 507–509.

⁵ См.: Галузо П. Г. *Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг.* Алма-Ата, 1965.

⁶ Ленин В. И. Доклад о работе в деревне 23 марта // Полное собрание сочинений. М., 1969. Т. 38. С. 204.

⁷ См.: Троцкий Л. Д. *Новый курс*. М., 1924. С. 97.

⁸ См.: Hindus M. *Red Bread*. Bloomington, 1988.

Бразилии стал тот факт, что американские и бразильские фермеры и поселенцы отправлялись на фронт добровольно, тогда как в Советском Союзе процесс протекал под жестким давлением партийных руководителей, считавших деревню отсталой и неразвитой. В данном случае фронт большевистской культуры и цивилизации двигался из городов на поля. Тяжелый удар по деревне нанес голод начала 1930-х гг. Коллективизация также ускорила освоение фронта в Сибири высылкой в эти пустынные районы сотен тысяч раскулаченных крестьян в годы массовых репрессий 1930-х гг. К середине 1930-х гг. сельский фронт был инкорпорирован в индустриализированную империю.⁹

Теперь большевистская власть приступила к включению «малых народов» фронта в новый политический, экономический и культурный порядок. С конца 1920-х гг. центральная власть, характеризовавшая эти народы как отсталые, все в большей степени стремилась превратить их в современных, политически сознательных граждан. Вновь создаваемая индустриальная инфраструктура позволяла вовлечь периферию в политико-экономическую систему центра, ускорить извлечение ресурсов и провести культурные преобразования среди местного населения под жестким политическим контролем. Кроме того, партия использовала комсомольцев и других добровольцев, а также заключенных системы ГУЛАГа, чтобы заполнить «пустынные пространства» и освоить фронт.

Примером борьбы за освоение советской периферии является Арктика. В 1926 г. советский Север включал примерно половину территории СССР с населением всего 645 000 человек, из которых 366 000 были представителями национальных меньшинств. Советское же руководство считало их чужаками и собиралось применить свою политическую власть, чтобы встроить их в мир социализма. В 1924 г. был учрежден особый Комитет Севера при ВЦИК СССР, целью которого было привести отсталые и «бесклассовые» народности к процветанию.¹⁰

Государство стремилось коллективизировать оленеводов и пастухов, чтобы, кроме прочего, взять под контроль их стада. В ответ обещались школы и больницы, падение уровня смертности (действительно начал падать), а также рост продолжительности жизни. К 1936 г. кочевой образ жизни был сломлен насильственными мерами. Совет народных комиссаров СССР в июне 1936 г. принял резолюцию о переходе кочевых и полукочевых народов Дальнего Севера к оседлому образу жизни. Правительственные меры провоцировали сопротивление, которое приходилось подавлять военной силой.¹¹ Власти пытались избежать сопротивления коллективизации, организуя сеть форпостов советской культуры в северных районах. В тундре так называемые красные чумы (подобные «красным уголкам» на заводах и «красным лодкам» в рыболовецких кооперативах) и школы боролись с неграмотностью и обучали оседлой жизни. Однако принудительный характер культурной программы вместе с острой нехваткой ресурсов, некомпетентностью кадров и непоследовательностью планирования привели к тому, что культурное преобразование можно было в лучшем случае охарактеризовать как неоднозначный процесс.¹² В послевоенные годы советские труды о малых народах говорили не столько об их процветании, сколько об их малочисленности, а также перечисляли долгосрочные выгоды от присутствия русских колонистов, именовавшихся «старшими братьями», к которым коренные народы должны были испытывать «чувство благодарности».¹³

Так в глубину фронта протянулись советские «коридоры модернизации». Конечно, общая протяженность и качество коммуникаций оставались недостаточными. Дороги часто строились некачественно и быстро разрушались, покрывались колдобинами, как поля одуванчиками. Весной лесные дороги, которые в тайге были важнее грунтовок, превращались в болота, и даже тракторам трудно было пройти по грязи. Телефон и телеграф, столь важные для постоянной связи между сельскими экономическими и политическими учреждениями

⁹ См.: Viola L. Peasant Rebels Under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. New York, 1999; Conquest R. The Harvest of Sorrow. London, 1986.

¹⁰ Ю. Слезкин описывает отношения между коренными народами северных районов СССР и колониалистами-модернизаторами с помощью понятия «зеркало», подразумевающего, что колониалисты показывали коренным народам их собственный образ искаженным (как в зеркале), колеблющимся между образом «отсталости-как-чужовичности» и «отсталости-как-невинности».

¹¹ См.: Krypton C. Soviet Policy in the Northern National Regions After World War II // American Slavic and East European Review. 1954. Vol. 13, № 3. P. 343, 346; Ларьков С., Романенко Ф. Из каменного века — за колючую проволоку // «Враги народа» за Полярным кругом. М., 2010. С. 165–197.

¹² См.: Dunn E. Education and the Native Intelligentsia in the Soviet North: Further Thoughts on the Limits of Culture Change // Arctic Anthropology. 1970. Vol. 6, № 2. P. 112–122.

¹³ См.: Krypton C. Op. cit. P. 339–342.

и центральными органами в городах, недостаточно плотно охватывали сельскую местность. Телефонная связь в Мурманской области в 1930-е гг. была в катастрофическом состоянии, не хватало ни проводов, ни инструментов для починки линий.¹⁴ Связь между городами осуществлялась по телефону с примитивным железным проводом, что сильно сказывалось на слышимости.¹⁵

Вплоть до смерти Сталина центральным элементом «коридоров модернизации» советского фронта оставались лагеря ГУЛАГа.¹⁶ Один из проектов позднего сталинизма иллюстрирует проблемы, с которыми сталкивалось насыщение «пустого» пространства инфраструктурой. В 1947 г. Сталин предложил соединить Москву и Ленинград с Арктикой и Северным Уралом. Хотя проекту не доставало чертежей, планов и в целом рациональной мотивации, он имел, в дополнение к воле вождя, практически автономную администрацию ГУЛАГа, постоянно борющуюся за новые капиталовложения и приток заключенных.¹⁷ Десятки тысяч подневольных работников были переброшены с только что построенной железной дороги Котлас—Воркута на полуостров Ямал и в дельту Оби, чтобы начать строительство пути в Салехард и дальше на расстояние в 370 км до гавани Мыс Каменный. Стройка шла уже год, когда планировщики поняли, что Мыс Каменный не может служить глубоководной гаванью, и новым местом назначения сделали Игарку на Енисее, крупный пункт лесопромышленной инфраструктуры ГУЛАГа.¹⁸ В относительно короткие сроки заключенные уложили 900 км рельсов и, хотя проект так и не был завершен, соединение западной и восточной линий было проведено с помпой, наподобие церемонии забивания «золотого костыля» во время торжественного соединения линий Первой трансконтинентальной железной дороги США в 1869 г. (сама эта дорога была амбициозным проектом покорения западного американского фронта). Трансполярная железная дорога Сталина, его

самопровозглашенный «проект столетия», предвосхищала Байкало-Амурскую магистраль (БАМ) времен Л. И. Брежнева, тоже нацеленную на форсированное освоение Сибири и имевшую корни в другом крупном и неоконченном проекте ГУЛАГа.¹⁹ Спустя три недели после смерти Сталина в 1953 г. его преемники остановили строительство Трансполярной магистрали, а благодаря последовавшей массовой амнистии лагеря опустели. Проект, на который было потрачено 43 млрд рублей, так и не был завершен.²⁰

«Коридоры модернизации» пролегали через «пустоту» фронта, соединяя появлявшиеся там города, население которых добывало и перерабатывало природные ресурсы. Эти поселения были — если говорить в категориях Западной Европы и США — «корпоративные города»: ²¹ Норильск, Никель, Асбест, Дальнегорск, Кандалакша. Их насчитывалось около трехсот, была и особая категория закрытых военных городов. Хотя индустриализация СССР часто предполагала «социалистическую реконструкцию» уже существующих городов, в менее населенных регионах Арктики и Субарктики, Сибири и Дальнего Востока превалировала модель «корпоративного города», возводимого впервые. Такой подход вытекал из тяги к автаркии и строился на допущении, что арктические районы являются пустынными, что северные народы не претендуют на природные ресурсы или на сохранение своего образа жизни. Одним из первых таких городов, построенных в 1930-е гг., был Магнитогорск — не только центр металлургической промышленности, но и центр превращения вчерашних крестьян в рабочих.²² Другие города специализировались на металлургии меди и никеля (Мончегорск), кораблестроении (Молотовск, позднее известный как Северодвинск), добыче флюорита (Амдерма) или обогащении апатитовых руд (Апатиты). Как правило, социальная инфраструктура новых

¹⁴ ГАМО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 2. Л. 45, 98, 99; Д. 43. Л. 4.

¹⁵ Там же. Д. 43. Л. 39–47, 58.

¹⁶ См.: Barenberg A. *Gulag Town, Company Town: Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta*. New Haven, 2014.

¹⁷ Дискуссию о «воспитательных» целях ГУЛАГа см.: Death and Redemption // *Russian History Blog*. 2012. May. URL: <http://russianhistoryblog.org/category/blog-conversations/death-and-redemption/> (дата обращения: 10.06.2021).

¹⁸ См.: Мурзин В. Проклятая дорога // *Вокруг света*. 1997. № 7. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/991/> (дата обращения: 15.06.2021).

¹⁹ См.: Селезнев Е. С. Производственная деятельность ИТЛ ГУЛЖДС НКВД/МВД на западном участке БАМа: 1937–1953 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2009; Ward C. *Brezhnev's Folly: The Building of BAM and Late Soviet Socialism*. Pittsburgh, 2009.

²⁰ См.: Стройка № 50 (1947–1953 гг.). Документы. Материалы. Исследования. Красноярск, 2000. Вып. 1.

²¹ Подробнее о «корпоративных городах» см.: Barenberg A. *Op. cit.*; Джозефсон П. Горное дело и металлургия в Арктике: советские моногорода // *Урал. ист. вестн.* 2014. № 2 (43). С. 125–135.

²² См.: Scott J. *Behind the Urals*. Bloomington, 1989; Kotkin S. *Steeptown USSR: Soviet Society in the Gorbachev Era*. Berkeley, 1992.

городов существенно отставала от производственной, их жители сталкивались с постоянной угрозой производственного травматизма и болезней, провоцируемых загрязнением. Правительство поддерживало урбанизацию Арктики подневольным трудом заключенных ГУЛАГа в эпоху Сталина, а в позднесоветский период освоение продолжилось в рамках крупных строительных проектов, обычно оказывавшихся более дорогими, чем их аналоги в центральных и южных районах, в частности, по причине более высокой заработной платы и более высокой потребности в возведении жилья. Впрочем, какой бы ни была стратегическая значимость никеля, меди, флюорита или иных ценных минералов, рабочие трудились в тяжелых производственных и бытовых условиях.

В годы первых пятилеток сталинское руководство стремилось освоить сибирские ресурсы и распределяло трудовые силы ГУЛАГа соответствующим образом. Однако ограниченный инвестиционный капитал, объективно сосредоточенный в западных районах страны, и разрушения Второй мировой войны задержали полномасштабное освоение Сибири до 1960–1980-х гг., эпохи Л. И. Брежнева. Впрочем, ряд проектов брежневской эпохи имел истоки в стройках ГУЛАГа: в поисках новых ресурсов для государства лагерное ведомство прокладывало дороги, создавало лесную и строительную промышленность, возводило шахты и каналы, даже стимулировало создание научных институтов, таких как «Гидропроект». Вторая мировая война имела большое значение для полномасштабного освоения Сибири, так как многие предприятия были эвакуированы из западных районов на восток, став основой для мощного военно-промышленного комплекса, продолжившего расти после войны.²³

При Л. И. Брежневе руководство СССР пыталось стимулировать заселение Сибири и создать плотную сеть инфраструктуры вплоть до Тихого океана, возобновив попытки построить БАМ и нарастить объемы добычи нефти и газа.²⁴ Еще в 1958 г., будучи секретарем ЦК, ответственным за военно-промышленный комплекс, Брежнев много раз посещал оборонные и атомные центры, такие как Пермь или Новосибирск.

Во время поездки Брежнева в марте 1978 г. по Транссибирской дороге до Владивостока работники агитпропа подготовили о ней фотоальбом и фильм «Всегда с народом» (1978),²⁵ демонстрируя не только близость Брежнева к народу, но и успех крупных программ освоения.

С 1960-х гг. в стремлении повысить эффективность и преодолеть ведомственные барьеры, власти начали создавать территориальные производственные комплексы (ТПК).²⁶ Сибирь рассматривалась одновременно как пространство изобилия и как пустошь, пункт назначения и бремя, хранилище ресурсов огромного стратегического значения и незаселенные километры тундры и тайги; локальным сообществам и коренным народам по-прежнему уделялось мало внимания. Для разработки программы освоения фронта активно привлекались ученые, особенно из Сибирского отделения АН СССР. Отраслевые и академические научные институты отвечали на сибирские инициативы Брежнева собственными исследовательскими проектами. Так, Г. И. Марчук, бывший в 1975–1980 гг. председателем Сибирского отделения АН СССР, выдвинул «стратегию научного изучения» восточных регионов страны для выполнения десятого и последующих пятилетних планов. Размах и темп экономической ассимиляции Сибири должны были изучаться в рамках трех десятков программ комплексного использования природных ресурсов, включая образование ТПК. Программа «Сибирь», разработанная под руководством геолога А. А. Трофимука и экономиста А. Г. Аганбегяна в конце 1970-х гг., предполагала почти двукратный рост производства нефти, газа и угля в Сибири в интересах всего государства.²⁷

Брежнев осознавал, что развитие Сибири является серьезным вызовом. В докладе на XXIII съезде КПСС в марте 1966 г. он подчеркивал дисбаланс географического распределения производительных сил и ресурсов страны,

²⁵ См.: Федотова С. Поездка Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева в Сибирь и на Дальний Восток через Пермь // Реальная Пермь. 2016. 14 сент. URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-3372260.html> (дата обращения: 16.06.2021).

²⁶ См.: Мошкин А. М. Что такое территориально-производственный комплекс? // Советская география. 1962. № 9. С. 49–55; Lonsdale R. The Soviet Concept of the Territorial-Production Complex // Slavic Review. 1965. Vol. 24, iss. 3. P. 466–478; Aganbegyan A. G., Bandman M. K. Territorial production complexes as integrated systems: Theory and practice // Geoforum. 1984. Vol. 15, iss. 1. P. 25–32.

²⁷ См.: Марчук Г. И. Стратегия научного поиска // Горизонты сибирской науки. Новосибирск, 1979. С. 7–19.

²³ См.: Samuelson L. Tankograd: The Formation of a Soviet Company Town. Cheliabinsk, 1900s–1950s. Basingstoke, 2011.

²⁴ См.: Ward C. Op. cit.; Thomas A. On Guard at BAMlag: Representations of Guards in the 1930s Gulag Press // The Soviet and Post-Soviet Review. 2014. Vol. 41, № 1. P. 3–32.

предлагал ряд экономических и социальных шагов, нацеленных на ассимиляцию сибирского фронта.²⁸ Однако решить проблему не удалось, и к концу советской эпохи она даже обострилась: около 70 % производства и населения было сосредоточено в западной части СССР, тогда как Сибирь и Дальний Восток оставались в глазах партийного руководства пустынным хранилищем ресурсов. Ни одна из кампаний — повышение зарплат, обещания жилищного строительства — не смогла привлечь в Сибирь новые волны переселенцев.²⁹

Возобновляя гонку за освоением фронта — слабонаселенных регионов, богатых ресурсами, — Президент России В. В. Путин обозначил намерение укрепиться в районах Арктики, в которых, по его мнению, российское военное и экономическое присутствие ослабло в 1990-е гг. Эта амбициозная экономическая программа включала, конечно, рост добычи нефти и газа, в том числе освоение новых месторождений в Северном океане, бурение новых скважин и прокладку новых трубопроводов, расширение военных баз за Полярным кругом. Становится российская Арктика вновь фронтиром или же просто источником средств для попыток страны восстановить стратегический паритет с США, как это было во время холодной войны? Этот регион обеспечивает 11 % национального дохода России (при доле в населении всего в 1 %) и 22 % российского экспорта; здесь сосредоточено 80 % российского газа, сконцентрированного преимущественно в Баренцевом и Карском морях, а возможный общий объем запасов газа составляет 57,1 трлн куб. м. В Арктике добываются более 90 % никеля и кобальта, 60 % меди и 96 % платины, значительные объемы других природных ресурсов. Рыболовная индустрия региона дает примерно 15 % общего улова России.³⁰ Ассимиляция Арктики, подобно российским космической и ядерной программам, имеет символическое значение. Вслед за советскими руководителями, прославлявшими обнаружение минеральных богатств, освоение тундры и строительство промышленных моногородов, российские лидеры рассматривают развитие

Арктики как ключ к будущему России и место экономического и военного соперничества.³¹

Равным образом и Сибирь вновь стала пространством освоения. Советские планировщики рассматривали народы Севера как помеху на пути разработки ресурсов, развития индустрии и энергетики. Новые проекты освоения тоже становятся вызовом для образа жизни коренных народов. К примеру, проект возведения мощной гидроэлектростанции — Эвенкийской ГЭС — на Нижней Тунгуске предполагает создание водохранилища площадью более 9 400 км кв., что станет ударом по традиционной культуре эвенков. При этом дефицита электроэнергии в регионе не наблюдается; проект обозначает символическое покорение еще не освоенного фронтального пространства.³²

На Дальнем Востоке правительство с 2016 г. бесплатно выделяет один гектар земли любому гражданину России для жилой застройки или ведения фермерского хозяйства. Это напоминает американский закон о гомстедах 1862 г., который наделял практически любого совершеннолетнего гражданина правом провозгласить своими 160 акров измеренной правительством земли. От колонистов требовалось лишь «улучшать» свой участок, выстроив на нем жилье и культивируя землю. Целью было не только заселение «пустых» пространств Великих равнин, но и выдавливание с них коренных американцев. Равным образом и в Бразилии на протяжении 1960–1980-х гг. восемь миллионов человек прибыло в Амазонию, где дешевая земля стала доступной благодаря новой инфраструктуре (дороги, телекоммуникации, аэропорты и гидроэлектростанции), выстроенной в одном отчаянном порыве. Владельцы ранчо выжгли 500 000 км кв. лесов, создавая на их месте огромные, но убыточные животноводческие фермы и нанося жесточайший ущерб коренным народам.³³ В России же путинскую программу переселения предвосхитил Биробиджан: в 1920–1930-х гг. большевистское правительство предоставило 36 000 км кв. еврейским колонистам, поощряя колонизацию Сибири.

²⁸ См.: Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального комитета КПСС XXIII съезду Коммунистической партии СССР. М., 1966.

²⁹ См.: Hill F., Gaddy C. *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia out in the Cold*. Washington, 2003.

³⁰ См.: Кочемасов Ю. В., Моргунов В. А., Соломатин В. И. Эколого-экономическая оценка перспектив развития Арктики // Энергия: экономика, техника, экология. 2005. № 12. С. 60.

³¹ См.: Josephson P. *Russia, State Capitalism and Arctic Degradation* // *Global Environment*. 2016. Vol. 9, no. 2. P. 376–413.

³² См.: Ушаков Д. В., Аблажей А. М., Плюснин Ю. М. Социально-экологические проблемы коренного населения Эвенкии в свете возможного строительства гидроэлектростанции на Нижней Тунгуске // *Вестник НГУ. Серия: Философия*. 2012. Т. 10, № 1. С. 65–72.

³³ См.: de Onis J. *The Green Cathedral: Sustainable Development of Amazonia*. New York; Oxford, 1992. P. 2–21.

Если советские исследователи социальных наук редко обращали внимание на феномен внутренней колонизации (как бы они его ни определяли), то в постсоветском пространстве этот феномен обсуждается широко. На протяжении последних десятилетий историки из бывшего СССР, прежде всего из Сибири, Центральной Азии и других регионов, удаленных от Москвы, все в большей степени обращаются к понятию фронта в своих работах.³⁴ Импульс к изучению проблем фронта в России дали томские ученые, организовавшие в 1996 г. конференцию по данной теме.³⁵ Сегодня специалисты из Сибири активно используют ее результаты в своих работах, анализируя сходства и различия российской и американской ситуации.³⁶ Л. М. Иванова, рассматривая понятие сибирского фронта в современной историографии, отмечает интерес ученых к компаративному изучению России и США.³⁷

Многие постсоветские историки находят бинарную оппозицию «центр–периферия» подходящей для изучения роли России в развитии Сибири и Дальнего Востока; по крайней мере она позволяет избежать тревожащей концепции внутренней колонизации и одновременно предлагает научную парадигму изучения. А. Ф. Поздняков замечает, что понятие модернизации, а не фронта, показало себя полезным в изучении трансформаций общества, связанных с ин-

дустриализацией и, в частности, в исследовании роли Дальневосточного морского пароходства и треста «Дальстрой» (крупной организации ГУЛАГа) в удовлетворении потребностей быстро растущей промышленности сталинского времени. Впрочем, Поздняков признает, что понятие фронта позволяет рассматривать Дальний Восток как периферию со слабой государственной властью, подлежащую ассимиляции, и оценить прибрежную зону как цивилизаторский аванпост для внутренней колонизации.³⁸

Согласно мнениям ряда современных российских политиков, ученых и публицистов, природа (не исключая и космические пространства) должна заселяться поселенцами из городских центров, способными превратить удаленные и «пустые» места в производительные центры экономической активности и военной безопасности. Подобно руководителям Бразилии, считавшим «пустую» Амазонию источником экономического потенциала нации, китайским военным мыслителям, искавшим в переселенческой политике ключ к безопасности периферии, и американским предпринимателям, насильственно осваивавшим запад США в попытках соединить два берега континента, строители империи в России рассматривают фронт в качестве пространства, которое следует покорить, не постояв за социальной и экологической ценой.

Paul R. Josephson

PhD, Professor of History, Colby College (Waterville, Maine, USA); Tomsk State University (Russia, Tomsk)

E-mail: paul.josephson@colby.edu

EMPIRE-BUILDING AND FRONTIER OF SOVIET AND POST-SOVIET TIMES

The paper deals with the strategies of colonization and assimilation of frontier in Soviet Union and post-Soviet Russia in relation to, Siberia and the Far East. These frontier spaces were disturbing the Soviet leadership for they were both vulnerable for an external invasion and unsupportive of the new socialist order. Thus, countryside of Soviet Russia was also seen as frontier of its own kind. The conquest of frontier and its integration into the socialist, industrial economy was implemented by Stalinist leadership through the violent collectivization, which was accompanied by colonization

³⁴ См. например: Цыганова А. А. Творческое наследие Ф. Дж. Тернера в истории американского прогрессизма: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.

³⁵ См.: Американский и сибирский фронт. Томск, 1997.

³⁶ См.: Резун Д. Я. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001–2003. Ч. 1–3; Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтов. М., 2005; Новые земли и освоение Сибири в XVII–XIX вв. Новосибирск, 2006; Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки в современности. 1998. № 5. С. 75–89.

³⁷ См.: Иванова Л. М. Сибирский фронт: изучение вопроса в отечественной исторической науке // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2016. № 410. С. 72–76.

³⁸ См.: Поздняков А. Ф. Морское судоходство на севере Дальнего Востока СССР в 20–50-е годы XX столетия: дис. ... канд. ист. наук. Южно-Сахалинск, 2010. См. также: Воробьева Т. В. Восточный фронт России // Вестн. КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2012. № 1 (19). С. 5–14.

in the periphery strengthened by the flow of exiles and labor camp prisoners from the collectivized western areas. From the point of view of Soviet leaders, the frontier territories were both resource pantry and “empty spaces” to settle. To stimulate colonization Soviet government was establishing the “corridors of modernization”, a network of infrastructure, connecting the newly constructed “company towns”, the outposts of frontier conquest. Such politics was simultaneously integrating indigenous peoples of frontier into the socialist economy and destroying their way of life. In spite of efforts of Soviet rulers from Stalin to Brezhnev, the assimilation of frontier did not succeed. However, in the 21st century Russian leadership continues to treat Arctic, Siberia and the Far East along the Soviet lines, as frontier spaces of economic and symbolic conquest and military-political contestation. Unlike the Soviet era, though, nowadays the concept of frontier had found its way into Russian historical and political thought.

Keywords: *frontier, modernization, Siberia, Arctic, Far East, large-scale projects, industrialization*

REFERENCES

- Aganbegyan A. G., Bandman M. K. Territorial production complexes as integrated systems: Theory and practice. *Geoforum*, 1984, vol. 15, iss. 1, pp. 25–32. (in English).
- Ageev A. D. *Sibir' i amerikanskiy Zapad: dvizheniye frontirov* [Siberia and the American West: the movement of frontiers]. Moscow: Aspect-press Publ., 2005. (in Russ.).
- Amerikanskiy i sibirskiy frontir* [American and Siberian frontier]. Tomsk: TGU Publ., 1997. (in Russ.).
- Barenberg A. *Gulag Town, Company Town: Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta*. New Haven: Yale University Press, 2014. (in English).
- Bassin M. Turner, Solov'ev, and the “Frontier Hypothesis”: The Nationalist Signification of Open Spaces. *Journal of Modern History*, 1993, vol. 65, no. 3, pp. 473–511. (in English).
- Conquest R. *The Harvest of Sorrow*. London: Hutchison, 1986. (in English).
- de Onis J. *The Green Cathedral: Sustainable Development of Amazonia*. New York, Oxford: Oxford University Press, 1992. (in English).
- Death and Redemption. *Russian History Blog*, 2012, May. Available at: <http://russianhistoryblog.org/category/blog-conversations/death-and-redemption/> (accessed: 10.06.2021) (in English).
- Dunn E. Education and the Native Intelligentsia in the Soviet North: Further Thoughts on the Limits of Culture Change. *Arctic Anthropology*, 1970, vol. 6, no. 2, pp. 112–122. (in English).
- Galuzo P. G. *Agrarnyye otnosheniya na yuge Kazakhstana v 1867–1914 gg.* [Agrarian relations in the south of Kazakhstan in 1867–1914]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1965. (in Russ.).
- Hill F., Gaddy C. *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia out in the Cold*. Washington: Brookings Institution, 2003. (in English).
- Hindus M. *Red Bread*. Bloomington: Indiana University Press, 1988. (in English).
- Ivanova L. M. [The Siberian frontier: the study of the issue in the Russian historical science]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2016, no. 410, pp. 72–76. DOI: 10.17223/15617793/410/11 (in Russ.).
- Josephson P. [Mining and metallurgy in the Arctic: the Soviet company towns]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2014, no. 2 (43), pp. 125–135. (in Russ.).
- Josephson P. Russia, State Capitalism and Arctic Degradation. *Global Environment*, 2016, vol. 9, no. 2, pp. 376–413. (in English).
- Kochemasov Yu. V., Morgunov V. A., Solomatin V. I. [Ecological and economic assessment of the prospects for the development of the Arctic]. *Energiya: ekonomika, tekhnika, ekologiya* [Energy: economics, technology, ecology], 2005, no. 12, pp. 60–65. (in Russ.).
- Kotkin S. *Steeltown, USSR: Soviet Society in the Gorbachev Era*. Berkeley: University of California Press, 1992. (in English).
- Krypton C. Soviet Policy in the Northern National Regions after World War II. *American Slavic and East European Review*, 1954, vol. 13, no. 3, pp. 338–355. (in English).
- Larkov S., Romanenko F. [From the Stone Age — behind the barbed wire]. “Vragi naroda” za Polyarnym krugom [“Enemies of the people” beyond the Arctic Circle]. Moscow: Paulsen Publ., 2010, pp. 165–197. (in Russ.).

- Lonsdale R. The Soviet Concept of the Territorial-Production Complex. *Slavic Review*, 1965, vol. 24, iss. 3, pp. 466–478. DOI: 10.2307/2492267 (in English).
- Marchuk G. I. [Scientific search strategy]. *Gorizonty sibirskoy nauki* [Horizons of Siberian Science]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1979, pp. 7–19. (in Russ.).
- Moshkin A. M. [What is a territorial-production complex?]. *Sovetskaya geografiya* [Soviet geography], 1962, no. 9, pp. 49–55. (in Russ.).
- Murzin V. [Damned road]. *Vokrug sveta* [Around the World], 1997, no. 7. Available at: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/991/> (accessed: 15.06.2021). (in Russ.).
- Novyye zemli i osvoeniye Sibiri v XVII–XIX vv.* [New lands and the development of Siberia in the 17th–19th centuries]. Novosibirsk: Sova Publ., 2006. (in Russ.).
- Pierce R. *Russian Central Asia, 1867–1917: A Study in Colonial Rule*. Berkeley: University of California Press, 1960. (in English).
- Pipes R. *The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923*. Cambridge: Harvard University Press, 1954. (in English).
- Pozdnyakov A. F. *Morskoye sudokhodstvo na severe Dal'nego Vostoka SSSR v 20-ye–50-ye gody XX stoletiya: kand. diss.* [Maritime navigation in the north of the Far East of the USSR in the 20s–50s of the 20th century: Diss. Cand.]. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskiy gosudarstvennyy universitet, 2010. (in Russ.).
- Rezun D. Ya. *Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII–XX vv.: obshcheye i osobennoye* [Frontier in the history of Siberia and North America in the 17th–20th centuries: general and special]. Novosibirsk: IMDI Publ., 2001–2003, part 1–3. (in Russ.).
- Samuelson K. *Tankograd: The Formation of a Soviet Company Town. Cheliabinsk, 1900s–1950s*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. (in English).
- Scott J. *Behind the Urals*. Bloomington: Indiana University Press, 1989. (in English).
- Seleznev E. S. *Proizvodstvennaya deyatel'nost' ITL GULZhDS NKVD/MVD na zapadnom uchastke BAMa: 1937–1953 gg.: kand. diss.* [Production activity of the ITL of GULZhDS of NKVD/ Ministry of Internal Affairs in the western section of the BAM: 1937–1953: Diss. Cand.]. Irkutsk: IGPU, 2009. (in Russ.).
- Slezkine Y. *Arctic Mirrors*. Ithaca: Cornell University Press, 1996. (in English).
- Thomas A. On Guard at BAMlag: Representations of Guards in the 1930s Gulag Press. *The Soviet and Post-Soviet Review*, 2014, vol. 41, no. 1, pp. 3–32. (in English).
- Tsyganova A. A. *Tvorcheskoye naslediyе F. J. Ternera v istorii amerikanskogo progressizma: kand. diss.* [F. J. Turner's creative legacy in the history of American progressivism: Diss. Cand.]. Moscow: Moskovskiy pedagogicheskiy universitet, 2012. (in Russ.).
- Ushakov D. V., Ablazhey A. M., Plyusnin Yu. M. [Social and environmental issues of the indigenous population in case of the construction of a hydro-power plant at Lower Tunguska]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy], 2012, vol. 10, no. 1, pp. 65–72. (in Russ.).
- Viola L. *Peasant Rebels Under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance*. New York: Oxford, 1999. (in English).
- Vorobyeva T. V. [Russia's Eastern frontier]. *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnyye nauki* [Journal collection of scientific works of KRASEC. The Humanities], 2012, no. 1 (19), pp. 5–14. (in Russ.).
- Ward C. *Brezhnev's Folly: The Building of BAM and Late Soviet Socialism*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2009. (in English).
- Zamyatina N. Yu. [Settlement zone (frontier) and its image in American and Russian cultures]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 1998, no. 5, pp. 75–89. (in Russ.).